

Глава 1

Трудно решить, с чего начать эту историю, но я остановил свой выбор на той среде, когда мы все сидели за столом и обедали. Беседа не имела отношения к тому, о чем пойдет речь в моем рассказе, но некоторые опрометчивые высказывания впоследствии повлияли на ход событий.

Я закончил разделявать кусок вареного мяса (кстати, на удивление жесткого), занял свое место и в духе, совершенно не подобающем моему сану, заметил, что любой, кто прикончил бы полковника Прóтеро, оказал бы миру большую услугу.

Мой юный племянник Деннис тут же сказал:

— Ваши слова вспомнят и используют против вас, когда старикана найдут в луже собственной крови. Мэри даст свидетельские показания, правда, Мэри? И расскажет, как вы угрожающе размахивали кухонным ножом.

Мэри, которая рассматривает работу в моем доме как ступеньку к лучшей жизни и к более высокому жалованью, громко, по-деловому, произнесла: «Овощи» — и с вызовом сунула ему под нос треснувшее блюдо.

Моя жена с сочувствием осведомилась:

— Неужели он и в самом деле так невыносим?

Я ответил не сразу, потому что в этот момент Мэри, плюхнув на стол блюдо с овощами, взяла миску с совершенно недоваренными и страшно неприглядными клецками и поднесла ее мне. Я сказал: «Нет, спасибо», и она в сердцах почти швырнула миску на стол и ушла.

— Жаль, что я такая ужасная домохозяйка, — сказала моя жена с искренним сожалением.

Я был склонен согласиться с ней. Мою жену зовут Гризельдой¹, и это имя как нельзя лучше соответствует ее статусу супруги приходского священника. Но на этом соответствие заканчивается. В ней нет ни капли кротости и смирения.

Я всегда придерживался мнения, что священник не должен связывать себя узами брака. Зачем я после двадцати четырех часов знакомства упросил Гризельду выйти за меня, до сих пор не понимаю. Брак, считал я, дело серьезное, и к нему следует подходить с осторожностью и после долгих размышлений, причем совпадение вкусов и наклонностей было для меня наиважнейшим условием.

Гризельда почти на двадцать лет младше меня. Она ошеломительно красива и абсолютно не способна воспринимать что-либо всерьез. Она некомпетентна во всех отношениях, и жить с ней невыносимо. Она относится к приходу как к большому увеселительно-

¹ Героиня, известная своей покорностью мужу, терпением и стойкостью в испытаниях, чей образ перекочевал из фольклора в книгу Дж. Боккаччо «Декамерон».

му мероприятию, устроенному ради ее развлечения. Я пытался заниматься ее развитием, но потерпел неудачу. И лишний раз убедился в том, что celibat¹ крайне желателен для духовенства. Я нередко намекал на это Гризельде, однако она лишь смеялась в ответ.

— Моя дорогая, — сказал я, — если б ты приложила хоть немного усилий...

— Иногда прилагаю, — перебила меня Гризельда. — Но мне кажется, что от моих попыток дела становятся только хуже. Ясно, что от природы мне не дано быть домохозяйкой. Поэтому я прихожу к выводу, что будет лучше, если я оставлю все на Мэри и смирюсь с неудобствами и невкусной едой.

— А как насчет твоего мужа, дорогая? — с упреком спросил я и, следуя примеру дьявола, который ради своих нужд цитировал Священное Писание, добавил: — «Она наблюдает за хозяйством в доме своем...»²

— Только подумай, как тебе повезло, что тебя не порвут на части львы, — быстро заявила Гризельда. — Или что тебя не сожгут заживо. Плохая еда, и пыль, и дохлые мухи — все это не стоит того, чтобы поднимать шум. Расскажи мне еще о полковнике Протеро. Во всяком случае, первым христианам повезло в том, что у них не было церковных старост.

— Напыщенный старый грубиян, — сказал Денис. — Неудивительно, что первая жена сбежала от него.

¹ Целибат — обет безбрачия.

² Прит. 31:27.

— А что ей оставалось? Не представляю, — сказала моя жена.

— Гризельда, — резко произнес я, — я не потерплю, чтобы ты говорила такие вещи!

— Дорогой, — ласково произнесла моя жена, — расскажи мне о нем. В чем проблема? В том, что мистер Хоуз на каждом шагу кланяется и крестится?

Хоуз — это мой новый заместитель. Он приехал к нам чуть более трех недель назад; придерживается взглядов Высокой церкви¹ и постится по пятницам. Полковник же Протеро — величайший противник обрядов в любой форме.

— На этот раз нет. Этого он коснулся мимоходом. А вот главная проблема возникла из-за несчастной банкноты миссис Прайс-Ридли.

Миссис Прайс-Ридли — истово верующий член нашей общины. На утренней службе в годовщину смерти своего сына она положила банкноту в один фунт в мешок для пожертвований. А позже, читая вывешенный перечень пожертвований, с болью в сердце обнаружила, что самой крупной из упомянутых была банкнота в десять шиллингов.

Она пожаловалась мне на это, и я ответил, вполне резонно, что она, должно быть, ошиблась. «Мы уже не так молоды, как были, — сказал я, стараясь потактичнее донести до нее свою мысль. —

¹ Направление в англиканской церкви, выступающее за сохранение обрядности и иерархичности в противовес характерной для протестантизма тенденции сделать эти стороны церковной жизни как можно менее важными. Из-за этого часто воспринимается как тяготеющее к католицизму.

И должны смириться с издержками преклонных лет».

Как ни поразительно, мои слова, кажется, лишь распалили ее. Миссис Прайс-Ридли сказала, что все это выглядит довольно странно и что ее удивляет, что я придерживаюсь иного мнения. Она удалилась и, полагаю, отправилась со своими проблемами к полковнику Протеро. Последний относится к тем людям, кому нравится устраивать шум по каждому поводу. Вот он его и устроил. Жалко, что произошло это в среду. По утрам в среду я преподаю в церковной школе, эта деятельность вызывает у меня острую нервозность и лишает спокойствия на остаток дня.

— Что ж, думаю, и он должен получать от чего-то удовольствие, — сказала моя жена, стараясь, судя по всему, занять беспристрастную позицию. — Никто не трепещет перед ним и не называет «дорогим vicарием», и не вышивает для него домашние тапочки жуткого вида, и не дарит ему толстые шерстяные носки на Рождество. И жена, и дочь — обе сыты им по горло. Полагаю, он счастлив донельзя, когда чувствует себя такой важной персоной.

— Он зря так разошелся из-за этого, — не без горячности воскликнул я. — Сомневаюсь, что он осознал скрытый смысл того, о чем говорил. Он хочет проверить всю церковную бухгалтерию на предмет растрат — именно это слово он и использовал. Растрат! Он подозревает меня в присвоении церковных фондов?

— Никто никогда ни в чем тебя не заподозрил бы, дорогой, — ответила Гризельда. — Ты настолько про-

зрачен, что стоишь выше всяких подозрений, так что, думаю, это великолепный шанс. Я была бы только рада, если б ты присвоил себе фонды ООРЕ¹. Ненавижу миссионеров — всегда ненавидела.

Я бы упрекнул ее за подобные высказывания, но в этот момент вошла Мэри с недоваренным рисовым пудингом. Я вяло запротестовал, но Гризельда сказала, что японцы всегда едят рис недоваренным, и, как следствие, у них отлично работают мозги.

— Осмелюсь заметить, — добавила она, — что если б ты ел вот такой рисовый пудинг каждый день до воскресенья, то читал бы самые чудесные проповеди.

— Упаси Господи, — сказал я, содрогнувшись. — Завтра вечером к нам придет Протеро, и мы с ним вместе проверим счета. Сегодня я должен закончить свою речь для ОМАЦ². Когда я искал одну ссылку, меня так увлекла «Реальность» каноника Ширли, что я совсем забросил работу. Гризельда, что ты делаешь сегодня днем?

— Исполняю обязанности, — ответила Гризельда. — Свои обязанности жены викария. Чай и обмен сплетнями в половине пятого.

— А кто будет?

Гризельда с усердием принялась загибать пальцы:

— Миссис Прайс-Ридли, мисс Уэзерби, мисс Хартнелл и эта ужасная мисс Марпл.

¹ Объединенное общество распространения Евангелия — миссионерская организация англиканской церкви.

² Общество мужчин англиканской церкви.

— А мне мисс Марпл нравится, — сказал я. — У нее хотя бы есть чувство юмора.

— Она главная сплетница в деревне, — сказала Гризельда. — Она всегда знает, что происходит, и делает из этого отвратительные умозаключения.

Гризельда, как я уже говорил, значительно моложе меня. А к моему возрасту человек уже успевает уяснить, что самое отвратительное обычно оказывается правдой.

— Ну а меня, Гризельда, к чаю не жди, — сказал Деннис.

— Чудовище! — воскликнула Гризельда.

Деннис счел благоразумным трубить отступление, а мы с Гризельдой вдвоем прошли в мой кабинет.

— Интересно, что у нас будет к чаю, — сказала жена, усаживаясь на мой письменный стол. — Доктор Стоун и мисс Крам, полагаю, еще, возможно, миссис Лестрендж. Кстати, я вчера заходила к ней, но ее не было дома. Да, на чай у нас точно будет миссис Лестрендж. Все это так таинственно, правда? Вот так вот приехала сюда, поселилась в доме и практически не выходит... Сразу вспоминаются детективные истории. Ну, ты понимаешь: «Что это за таинственная дама с лицом красивым, но бледным? Какое у нее прошлое? Никто не знает. В ней проглядывает нечто зловещее». Думаю, доктору Хейдоку кое-что о ней известно.

— Ты читаешь слишком много детективов, Гризельда, — мягко заметил я.

— А ты? — отпарировала она. — На днях, когда ты сидел здесь и сочинял проповедь, я по всему дому

искала «Пятно на лестнице». А когда зашла к тебе и спросила, не видел ли ты книгу, что я обнаружила?

У меня хватило такта покраснеть.

— Я случайно подобрал ее. Мое внимание привлекло одно предложение и...

— Знаю я такие предложения, — сказала Гризельда и с выражением процитировала: — «А потом случилось нечто любопытное: Гризельда встала, прошла через комнату и страстно поцеловала своего пожилого мужа». — Свои слова она сопровождала действием.

— Разве это нечто любопытное? — спросил я.

— Естественно, — ответила Гризельда. — Лен, ты хоть понимаешь, что я могла бы выйти за министра, за баронета, за богатого владельца компании, за трех офицеров и за бездельника с приятными манерами, но вместо всех их выбрала тебя? Тебя это не удивляет?

— Когда-то удивляло, — ответил я. — Я часто задавался вопросом, почему ты так сделала.

Гризельда рассмеялась.

— Я вознеслась на самую вершину, — сказала она. — Другие считали меня просто красивой и, естественно, горели желанием заполучить меня. С тобой же все было по-другому. Я олицетворяла для тебя все, что тебе не нравится и что ты осуждаешь, однако ты не смог устоять! Мое тщеславие не могло выдержать такого испытания. Гораздо приятнее быть тайным и упоительным грехом, чем служить броским украшением. В моем обществе ты испытываешь чудовищную неловкость, и я постоянно вынуждаю тебя сворачи-

вать с правильного пути, однако ты все равно обожаешь меня до безумия. Ты обожаешь меня до безумия, не так ли?

— Естественно, я люблю тебя, дорогая.

— О Лен, ты обожаешь меня. Ты помнишь тот день, когда я осталась в городе и послала тебе телеграмму, которую ты так и не получил, потому что почтальонша забыла принести ее тебе из-за того, что ее сестра рожала близнецов? Помнишь, в каком ты был состоянии, как звонил в Скотленд-Ярд, какой страшный шум ты поднял?

Есть вещи, которые люди не любят вспоминать. Тогда я действительно почему-то повел себя глупо.

— Дорогая, если ты не возражаешь, я хотел бы заняться ОМАЦ, — сказал я.

Гризельда возмущенно фыркнула, взъерошила мне волосы, потом пригладила их и сказала:

— Ты меня не достоин. На самом деле не достоин. Придется завести роман с художником. И ведь заведу... по-настоящему. Только представь, какой скандал разразится в приходе.

— У нас и так множество скандалов, — мягко проговорил я.

Гризельда рассмеялась, послала мне воздушный поцелуй и удалилась через французское окно¹ кабинета.

¹ Окно во всю стену или в большую часть стены как в ширину, так и в высоту, фактически — гибрид окна и застекленной двери.

Глава 2

Гризельда крайне невыносима. Вставая из-за обеденного стола, я был в хорошем расположении духа и горел желанием приготовить действительно сильную речь для Общества мужчин англиканской церкви. Сейчас же мною овладели беспокойство и смятение.

Когда я вернул себе душевное равновесие и собрался сесть за работу, в кабинет вплыла Леттис Протеро.

Я использовал слово «вплыла» обдуманно. Я читал романы, в которых про молодых людей говорят, что из них ключом бьет энергия: *joie de vivre*¹, прекрасная жизнь молодости... Мне же почему-то всю жизнь попадались молодые люди, похожие на призраки во плоти.

Сегодня Леттис особенно сильно напоминала такой призрак. Она милая девочка, высокая, светловолосая, но совершенно не от мира сего. Она вплыла через французское окно, рассеянно сняла желтый берет и с каким-то отстраненным удивлением произнесла:

— О, это вы...

От Олд-Холла через лес идет тропинка, которая выводит к калитке в наш сад, поэтому очень многие в стремлении сократить путь не обходят дом, чтобы зайти через парадную дверь, а напрямик идут к окну кабинета. Я не удивился, когда Леттис вошла через окно, а вот ее реакция на мое присутствие меня слегка обидела. Если ты приходишь в дом викария, то должен быть готов к тому, что встретишь викария.

Она прошла в кабинет, бесформенной кучей плюх-

¹ Радость жизни (*фр.*).

нулась в одно из глубоких кресел и, глядя в потолок, принялась рассеянно дергать себя за волосы.

— Деннис здесь?

— Я не видел его с обеда. Как я понял, он собирался к вам, играть в теннис.

— О! — сказала Леттис. — Надеюсь, он к нам не пошел. Он там никого не найдет.

— Он говорил, что ты сама его пригласила.

— Наверное, пригласила. Только на пятницу. А сегодня вторник.

— Сегодня среда, — сказал я.

— О, какой ужас! — сказал Леттис. — Это значит, что я в третий раз забыла прийти на обед к одним людям... — К счастью, это, судя по всему, ее не очень расстроило. — А Гризельда здесь?

— Полагаю, ты найдешь ее в студии в саду — она там позирует Лоуренсу Реддингу.

— Ну и кипеж у нас был из-за него, — сказал Леттис. — С отцом, понятное дело. Отец просто ужас.

— И что стало причиной этого ки... как там? — спросил я.

— А то, что он писал меня. Отец узнал об этом. И почему нельзя писать меня в купальном костюме? Если я выхожу в нем на пляж, почему меня нельзя в нем писать? — Леттис помолчала и продолжила: — Это же полнейший абсурд: отец запрещает пускать молодого человека в дом. Естественно, мы с Лоуренсом просто ошались. Я приду сюда и буду позировать ему в вашей студии.

— Нет, моя дорогая, — сказал я. — Нет, раз отец тебе запрещает.